

Смерть цвета бейсик

Автор:

[Александр Прост](#)

Смерть цвета бейсик

Александр Прост

2039 год. Россия проиграла ядерную войну и уже четырнадцать лет оккупирована войсками НАТО. Москва уничтожена, столица марионеточного правительства перенесена в Санкт-Петербург. Главная военная сила оккупантов – киберпехота, дроны, боевые машины, управляемые операторами за много тысяч километров. Бойцы Сопrotивления продолжают неравную борьбу. Кажется, будто вражеская киберпехота находится в полной безопасности. Но это – война, и у нее свои правила. От ее кошмара не защитит ни успех, ни здравый смысл, ни осторожность, ни даже Атлантический океан.

Александр Прост

Смерть цвета бейсик

В наших жилах трехцветная кровь

Борис Беркович

И[1 - «И» – одно из ключевых понятий в конфуцианской традиции. Означает долг, чувство долга, справедливость, правильность.]

Сын, почтительный к отцу, может оказаться подданным, изменившим государю.

Хань Фэй

Дядя Миша, Михаил Натанович Беркович, продолжал распекать Сан Саныча, по обыкновению не повышая почти голоса, словно забивал гвозди:

– Мы арендуем четырехсотые. Так? Два месяца они стоят, на хер никому не нужные. Так? За три недели я тебя предупреждаю. Так?

Сан Саныч краснел и что-то бормотал, вытирал потный загривок, но меня не сдавал, хотя временами и посматривал. Честно сказать, вина была совместной, хотя его все-таки больше.

Из открытых окон (всем системам кондиционирования и центральной вентиляции дядя Миша предпочитал открытые окна) раздавался шум весенней улицы и играющих детей, урывками долетавший до двенадцатого этажа.

– Саныч, короче, чтобы к пятнице все было разобрано. Ты меня понял? Так. У кого что есть? Ладно, тогда по коням. Пленных не брать. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

Михаил Натанович отключил выведенные на стол чертежи и графики. Народ задвигал стульями. Финансы и юристы, затянутые в строгие костюмы и галстуки, маркетинг в ядовитом поло, Саныч с замом в клетчатых рубашках, главный инженер и снабженец в неприметных серых свитерах. Половина присутствующих зря потратили полчаса, но дядя Миша считал, что совместные планерки дают руководству общую картину.

– Коля, задержись на секунду.

Неужели пронюхал, змей иудейский? Была у него неприятная способность откуда-то все знать. За долгие годы я зауважал старого черта и многому у него научился. Не только в бизнесе. Если уж совсем честно, он, в некотором смысле, заменил мне отца, которого у меня, опять-таки в некотором смысле, не было, хотя никогда бы в этом не признался. Слишком походит на бесстыжий подхалимаж. Услышав такое, дядя Миша наверняка грустно усмехнется, покачает головой и промолчит.

Он, кажется, тоже ко мне проникся и с каждым годом отмечал сильнее. Не стал песочить при всех – можно принять знаком новой ступеньки. Начав с самых низов, я без всяких поблажек добрался за эти годы до третьей позиции в конторе (если считать меня с Казаряном в уровень). Ну, ладно, не с самого низа и не без поблажек, но просто не было.

Именно на меня переляжет забота о семье, случись что с дядей Мишей. О жене, сухонькой, интеллигентной и совершенно беспомощной Софье Олеговне, о бестолковом сыночке Аркаше, успевшим вынюхать и прокурить к сорока невеликий мозг, о дочке Ире с ее виолончелью и придурком мужем-фаготом (очевидным всем, кроме жены, гомиком; если же даже, крайне маловероятно, про гомика я заблуждаюсь, то уж с придурком никаких сомнений быть не может). Я могу считаться членом семьи только в некотором роде, но, кроме меня, передать дела совершенно некому. Аркаша, если ему верить, что-то среднее между продюсером, актером и режиссером в Болливуде, а если говорить сколько-то серьезно, бездельник и тусовщик, годный исключительно пополнять кассы ночных клубов Мумбаи и поднимать оборот тамошних наркочилеров. Ира, хрупкое создание, выросшее в теплице из папиных денег, ограждавших от жестоких джунглей петербургского музыкального образования. Она много лет пикирует в каком-то заштатном оркестрике Гааги, лечит слабые нервы и многочисленные, но сомнительные недуги. Ее жизненных сил не хватает ни на музыкальную карьеру, ни на расставание с придурком-фаготом, ни даже на материнство. И Иру, и Аркашу можно представить у руля компании разве что в наркотическом кошмаре. Хотя наркотические кошмары как раз по аркашиной части.

– Коля. Тут такое дело, – он вздохнул, поморщился и ущипнул не до конца поседевшую бороду.

Я знал дядю Мишу почти двадцать лет, за которые он совершенно не переменился. Все эти годы дядя Миша кряхтел, вздыхал, морщился и казался на

первый взгляд стариком, потерявшим вкус к жизни, деньгам и победам. Грубая ошибка, подводившая многих. На самом деле он был быстр, крепок и безжалостен. По женской же части неутомимый любитель и шалун. Мы, разумеется, никогда этого не обсуждали, но трудно сохранять секреты, живя, по сути, в одном доме, пользуясь общей прислугой, охраной и водителями, особенно охраной и водителями. Обрывки разговоров тут, несколько невинных вопросов там, пристальный взгляд на известные разделы корпоративных расходов, и картина очевидна до подробностей.

Я был готов к порке, составив уже защиту с элементами покаяния.

– Мне звонил Валера, ну, этот, из партии.

Оставалось надеяться, что облегчение не очень заметно отразилось на моем лице.

– Я сказал, что приболел, видеть уже не могу эту харю. Договорились, что ты подъедешь. Послушай, какого ему надо, хотя, точнее, на что и сколько.

– Конечно, сейчас же перезвоню, – я с облегчением поднялся.

– И вот еще, – окликнул он меня в дверях, – насчет кранов, ну, четырехсотых, повнимательней, Коля, надо, повнимательней.

Валерий Дмитриевич Зябликов, член координационного совета и заместитель главы аппарата партии Демократического прогресса Российской Конфедерации, готов был принять меня незамедлительно. По правде сказать, я, как и дядя Миша, терпеть его не мог. Старый мерзавец, скользкий и совершенно бесстыжий.

Офис компании занимал новое с иголки здание, достроенное и занятое нами меньше года назад. На уровне последнего этажа по всем четырем фасадам висели в воздухе изумрудные голограммы «Корпорация Питнат». Перед зданием, на крыше паркинга, был разбит небольшой сквер, разделявший жилую и деловую застройку. Чуть дальше располагался офис Агентства по кооперации и модернизации, выстроенный нами же. Напротив агентства мы строили сейчас Министерство юстиции. Концепцию всего района разработал совершенно сумасшедший таец-архитектор, добытый дядей Мишей в каком-то креативном

аду. Первое время я подозревал в нем наркомана, но со временем понял, что его перекошенные мозги в дополнительной стимуляции не нуждались.

Неожиданным чудом он с помощью копеечной декорации окропил стандартные бетонные стекляшки оттенком северного модерна. Двадцать питерских лет выучили меня жонглировать словами, о которых и не подозревал депрессивный райцентр моего детства, не говоря уже о десантной бригаде армейского года или людях, окружавших меня, пока я крутил после дембеля баранку большегруза.

В общем, район вышел не только блестящей сделкой, но и неплохим архитектурным решением. Приятное дополнение. До оккупации (революции гордости или лета гнева, если хотите) тут были верфи, едва ли не старейшие в стране. После оккупации военное судостроение стало неактуально и, похоже, навсегда, а гражданскими судами верфи не блистали и в лучшие времена. Корпуса быстро превратились в криминальный гадюшник. Тут разливали поддельную водку, крутили поддельные сигареты, через причальные стенки шла контрабанда, по большей части те же сигареты и алкоголь. Дяде Мише отдали верфи за гроши, на условии наведения порядка. И мы навели порядок быстрой железной рукой, хотя, честно сказать, временами становилось страшновато. Очистив территорию от основного бардака, дядя Миша, и тоже совсем недорого, сделал очевидное: включил землю в состав зеленой зоны безопасности, прежде ограниченной другим берегом. Так всем было удобней, расположение верфей позволяло вместо трех мостов и полукилометра узкого канала стеречь только один в конце Фонтанки. Ну а дяде Мише за бесценок достался кусок самой дорогой и дефицитной в стране земли, в самом центре новой, или старой, как посмотреть, столицы.

Костя за рулем ждал меня у входа. Офис партии располагался по соседству, на углу Большой Морской и переулка Новодворской, занимая реконструированное здание когдатошнего Дома культуры архитекторов. Партийцы находили это символичным. Ехать было недалеко и внутри зеленой зоны, так что охрану можно было не брать.

Валерий Дмитриевич встретил меня на пороге своего обширного кабинета и с преувеличенной радостью долго хлопал спину. Макушка приходилась пониже моего подбородка, пузо не позволяло Зябликову прижаться вплотную, так что я мог в деталях изучить его безукоризненную прическу.

Огромные окна, нарезанные квадратиками и наверняка бронированные, выходили на Мойку. Над столом висела фотография президента и партийного лидера, сделанная, наверное, лет двадцать назад. Президент, впрочем, мало изменился (косметические операции, ботокс, диета) и по-прежнему криво улыбался одной половиной рта.

- Ну как там у вас объект? Давай, показывай.

Я подключил телефон к голографическому экрану, возникшему поверх окна, и начал рассказывать. Не отказал себе в маленьком удовольствии – был нетороплив и тщательно подробен. Я увлеченно отчитался о выполненных объемах, похвастал досрочно завершенными монолитными работами, рассказал о проблемах с лифтами и изящном инженерном решении в системе вентиляции, об оригинальной дизайнерской концепции конференц-холла. Я уже собрался перейти к водоочистке, когда Зябликов не выдержал.

- Ну, ладно, ладно, ты, чертяка, так до свай дойдешь. Сразу видно человека, по-настоящему влюбленного в свое дело. Я всегда говорю: Беркович и Катков – вот люди, на которых можно положиться. Если беретесь, то делаете работу от души, без всяких, до конца.

Сказать, что цена его словам была дерьмо, значило сильно их переоценить. Я, улыбаясь, глядел в крохотные глазки, тонувшие в жире, рассматривал великолепные светло-русые волосы, пересаженные лет семь назад на место чахлых седых прядок, лепившихся к лысине, смотрел на огромный пузырь тела, затянутый по летнему времени в серо-стальной костюм, смотрел и думал: что ж тебе, гниде, от нас надо? Юстиция закрыта, по министерству явно рановато. Опять довыборы в Думу? Вроде нет. В регионах, кажется, тоже ничего не было. Какой-нибудь очередной волейбол или бейсбол хочет на нас навесить? Не по его части. Чего-нибудь по культуре? Театр или фестиваль, не должно быть особенно накладно.

- Да ну тебя, Валерий Дмитрич, перехвалишь, совсем перестанем работать над собой, обленимся, а нам страну поднимать, – разговор надо было поскорее довести до такой степени маразма, чтобы это почувствовал даже Зябликов, лишенный чувства меры настолько же, насколько совести.

– Ты знаешь, с каким огромным уважением я отношусь к Михаил Натановичу, как я благодарен ему и как высоко ценю наши близкие отношения.

Если он заводил шарманку, то не мог выбраться из хвalebных периодов быстрее, чем минут за десять-пятнадцать. Больше всего мне хотелось сказать дяди Мишино: «времени нет, жизнь коротка, начинай с конца», но именно так говорить нельзя было ни в коем случае. На попытки разговаривать с ним по-людски Зябликов обижался смертельно, часа на два, если, конечно, ты ему был зачем-то нужен. С другой стороны, с теми, кто ему не нужен, он совсем никак не разговаривал.

– В общем, поступил сигнал, очень тревожный.

– Что поступил? – Я слишком увлекся поощрительными улыбками и мыслями про поставщиков системы кондиционирования, пропустив начало разговора по существу.

– Сигнал. Очень тревожная информация. Она касается... не знаю, как лучше сказать. Я понимаю, ты всегда относился к нему как к сыну... Короче говоря, по Мише.

– О Мише? О Мише Берковиче? – я был искренне поражен.

– Ты член семьи, и, я уверен, с тобой можно говорить об этом так же прямо, как с Михал Натановичем. – Зябликов понизил голос так, словно это могло от чего-то защитить в мире современной электроники и словно он способен сказать нечто небезопасное для себя самого. – Поступила крайне тревожная информация, будто Миша последнее время сблизился с радикальными кругами. Да что греха таить, мы ведь не чужие, назовем вещи своими именами: с террористами.

– Да ну, Валерий Дмитрич, он мальчик еще.

– Конечно, мальчик, в том и беда. Мы старые друзья, я полностью тебе доверяю. Могу я говорить откровенно?

С тем же успехом он мог бы спросить, не возражаю ли я, если он голышом спляшет румбу.

– Конечно.

– Для этих ублюдков Миша, с его происхождением, просто находка. Мы с тобой образованные люди, мы понимаем, что любой Борин поступок в первую очередь художественное высказывание, акт искусства.

Садануть бы тебе по жирной ряхе. «Художественное высказывание» – поднабрался словечек, мразь. «Боря» он ему, приятеля себе нашел. У меня от этих «художественных высказываний» под правой лопаткой вмятина в два сантиметра и такие боли на погоду, что обезболивающее не всегда берет, Борьку вообще хоронили в закрытом гробу. Каким-то чудом я сохранял выражение дружелюбного участия, по крайней мере, надеялся на это.

«Художественное высказывание». Борька бы тебя, суку, на фонаре повесил ногами кверху. Хотя... наверно, выкрутился бы, ублюдок такого калибра всегда выкрутится и отыщет хлебное местечко. Да и трюфельное, а то и икорное.

– Художественные тонкости, гуманизм его лирики, многослойность, все это им безразлично. Под прикрытием прекрасных патриотических песен они рвут страну на части. На заграничные, между прочим, деньги. Забрать Сибирь, разрушить нашу интеграцию в цивилизованный мир, ударить по демократии и свободе во всемирном даже масштабе – вот чего хотят от них хозяева.

Заполучить Мишу – большая удача для них и большое поражение для всех нас. Я прошу вас, не только как отца и деда, но и как настоящих патриотов, спасти его. Все мы делаем в этой жизни ошибки, и, конечно, то, что ты и Михал Натаныч сделали для страны, намного перевешивает любые заблуждения молодости, но сейчас вы можете сделать по-настоящему огромную вещь: спасти вашего ребенка.

Несказанное было очевидно, а сказанное, как всегда у него, понимать не имело смысла. Подразумевалось, что мы теперь в долгу, что он предостерег, раскрыл страшную тайну, пойдя практически на преступление и огромный риск, а мог бы, используя мои «заблуждения молодости» и запятнанность дяди Миши отцовством, принять к ногтю. Только все это дерьмо собачье, не отрастил он еще такие ногти. Да и сама история не выглядела особенно правдоподобно.

– Валерий Дмитрич, а откуда информация?

– Поверь, источник очень авторитетный, заслуживающий абсолютного доверия. Я знаю этих людей много лет как исключительно компетентных профессионалов. – Зябликов опять выпал из разумного разговора, окунувшись в дифирамбы отсутствующим и неназванным специалистам. Говорить с ним было абсолютно невозможно.

Штаб-квартиру во времена первой моды на голографические рекламы разукрасили как елку. Название партии, выведенное в цветах конфедерации славянской вязью по-русски и готическим шрифтом по-английски, а сверху плескался сам огромный бело-синий флаг. Голограмма имитировала ткань, бьющуюся на ветру.

Я попросил Костю подождать. «Угу», – кивнул он.

Костя вообще мало говорил. Мы вместе служили, потом вместе воевали. В те времена легче было поверить, что это я стану его водителем. При самых крутых оборотах он сохранял невозмутимость и молчаливость, чего никак не скажешь про меня. Трудно понять, сдержанность это или слабая впечатлительность, и критические ситуации просто не задевают его достаточно глубоко. Костю, надежного и молчаливого, всегда неторопливого, но всегда в нужном месте в нужное время, легко было представить сколь угодно успешным, но он, кажется, совершенно лишен честолюбия. Точно про него, конечно, ничего не разберешь, но все предложения продвинуться в нашей конторе он отбрасывал, кривясь и что-то отрицательно мыча.

Пройдя пару кварталов, я заскочил в кафешку. Заведение очень удачно оказалось с претензией, заказ на чашку черного чая принял дрон. Убедившись, что за мной никто не вошел, я вытащил из портфеля крохотный зеленый телефончик. Аппарат был зарегистрирован на неаффилированную голландскую компанию, кроме того, через зашифрованный канал передавался голос, менявшийся при каждом звонке случайным образом. Номера и сами аппараты менялись два раза в месяц, но все это, конечно, никак не защищало от направленных микрофонов.

– Слушаю, – ответил дядя Миша тонким голосом маленькой девочки.

Я еще раз напомнил себе научить его настраивать диапазон голосов по возрасту и полу.

- Только вышел от упыря. Как в говне искупался, ей-богу.

- Чего хотел?

- Странная история, лучше лично. Я проверю пока.

- Лады. Не забудь по стекольщикам.

Уже с обычного телефона я сговорился о встрече с Сергеем Петровичем. Городской комиссариат располагался за пределами зеленой зоны, и пришлось ждать джипы охраны. Толку от этих дармоедов не было никакого, но дядя Миша тут стоял совершенно непреклонно. Лучше бы к внуку характер применял, а то шляется где попало и с кем попало.

Мост мы прошли почти ходом. В такое время из зеленой зоны мало кто выезжает, да и вообще, на выходе контроль довольно формальный, тем более на этом блоке. Стоявший тут британско-канадский пост считался менее дотошным, чем американские. В обратную сторону тянулась вдоль набережной умеренная очередь минут на сорок. На мосту дроны облепили драндулет, груженный какой-то грязной репой. Владельцы автохлама, карикатурный дед с бабкой в платочке грустили рядом. Дедок что-то втолковывал, размахивая зажатой в руке облезлой ушанкой. Скорее всего, не туда заехали, трудно представить, кому их нелепый продукт мог пригодиться в зеленой зоне.

Комиссариат окружали кордоны, колючая проволока, посты, обложенные мешками песка, ближе к входу дроны с эмблемами золотом по алому. Пробираться сквозь все это было слишком долго, да и не принято. Встретились, как обычно, в соседнем армянском ресторанчике, делавшем, наверно, девять десятых выручки на посетителях вроде нас.

Старший комиссар полиции, Сергей Петрович Ушаков, сосредоточенно цеплял что-то в дымящемся горшочке. Топорщились поседевшие в желтизну усы.

- Отрываешься?

- А что делать.

Дома запущенный организм Сергея Петровича держали на брокколи и отварной курице.

– Как сам? Как машина?

Он оторвался от горшочка и внимательно на меня посмотрел:

– Машина лучше не надо. Так что повторно спасибо.

Телефон Ушакова начал мелодию. Он ответил на первых же аккордах, прежде слов, но не узнать было нельзя: звонком стояла Борина «Смерть цвета бейсик». Строго говоря, анаграмма (или аббревиатура, или как это там правильно называется) должна быть «бесик», по начальным буквам цветов старого флага. Боре для поэтического размера и аллюзий (или аллегорий, или как это там правильно называется) на язык противника нужен был именно бейсик. Фонетическая неточность, впрочем, никого, кроме меня, не смущала.

– Да понял я. Буду через полчаса. Начинайте без меня, – Сергей Петрович отбил звонок.

– Не рискуешь? – я кивнул на телефон.

– Темный ты, Николай Андреевич, человек. Телевизор, видать, не смотришь. А там рассказали, что песня эта на самом деле протест и борьба с преступным, кровавым, коррумпированным и еще каким-то, хрен запомнишь, режимом. А вообще, мне плевать, могут сами урок ловить. Таких, кто дело наше знает, остались я, да он, да мы с тобой. Одни, сука, короли ток-шоу и звезды фейсбука.

– Короче, Коль, я тебя знаю, ты меня знаешь. Времени ни хрена нету. Да и ты мужик занятой, приехал ко мне не о тачках с музыкой трепаться. Че ты ходишь кругами? Рассказывай. Для тебя, для Натаныча, чем смогу.

Я рассказал.

– Коля, Коля, – он ухмыльнулся в пшеничные с сединой усы, – кого ты слушаешь? Я ж эту суку знаю, уух, столько люди не живут. Я его помню православным по помидоры, с тлетворным влиянием боролся, за скрепы и традиции, с пидорасами

бился – аж дым стоял. Спроси при встрече про Ушакова, про мусор, про свалки во Всеволожском районе. Он помнит. Жалко, не дали мне тогда эту гниду закрыть.

– Думаешь, брешет? По вам ничего не проходило?

– Не наша епархия, слава богу. Сам понимаешь. По такому к соседям надо. Есть кто?

– У меня пусто. Ну, так, серьезного никого. У Натаныча есть, наверно. Через безопасников наших можно.

– Через безопасников? Он у вас, знаешь, тоже... – Ушаков скривился, свел вместе и потер указательные пальцы, намекая на карьерное происхождение главы нашей службы безопасности. – Слишком хорошо – тоже нехорошо. По нашим я, конечно, пробью. Но вряд ли. По-крайнему, могу и сам выйти, но мы с контрами в контрах, хуже бы не сделать. Сам-то что говорит?

– Ох... Сергей Петрович, а твои чего говорят?

– Ясно. Давай так. Я по нашей богадельне, вы через своих. Если пусто, решайте сами. Могу попробовать, но гарантий никаких.

– Лады.

По дороге к мосту я успел сделать пяток звонков, малую часть срочно необходимых. Очередь к блокпосту, тянущуюся вдоль улицы Ломоносова, мы объехали по встречной. Контрики, посмотрев на номера, подняли шлагбаум, никуда, кажется, даже не заглянув. С американцами наши номера не работали, предстояло подождать, навскидку, минут двадцать.

Даже здесь, в круглосуточно охраняемой зоне, граффити иногда встречались на облупившихся стенах. По крайней мере, один «Зенит» и две трехцветные «ВНЖТК». Смена флага, надо сказать, была идиотской затеей идиотских идиотов, наполовину, видимо, продиктованной Бориной песней, ставшей гимном недовольных. Смена, конечно, только добавила недовольных и поклонников Боре.

В окно машины постучались, Малик Яндиев улыбался из соседнего «мерседеса». Из старых марок «Мерседес» единственный производил еще бензиновые машины, и это делало нас одинаковыми, словно детишки из приюта. Я давно уговаривал дядю Мишу перестать переплачивать и перейти на китайцев, но он упрямо держался привычного.

Мы вышли из машин, поулыбались, обменялись бессмысленными приветствиями, и Малик опять затянул шарманку про свои склады возле аэропорта, неудачно попавшие на границу зоны отчуждения. Из-за норм безопасности у него с пристрастием досматривали каждую фуру, и площади на две трети стояли пустые. Зная, как они ему достались, стоило радоваться и тому. Живой, здоровый, на свободе, еще и с денежным ручейком, пусть не особенно полноводным, – сплошное везение. Малик, однако, мечтал включить склады в зону отчуждения и продать американцам. Отчего-то он вбил себе в голову, что мы можем это устроить, и никакие объяснения не могли прошибить его ослиное упрямство. И на этот раз Яндиев отстал, только когда я неопределенно пообещал еще раз подумать и с кем-нибудь переговорить.

Из-за него я не успел к началу совещания в Рыбацком уже и по видео, что было скверно. Там царил балаган, переходящий в катастрофу, даже больше обычной строительной. Телефон, письма, даже летающие видеодроны не дают полной картины, по объекту надо ходить ногами.

Туристических автобусов у Исаакия явно прибавилось в сравнении с прошлым годом. Бесстрашные люди. С ярких лотков торговали матрешками, путеводителями, открытками, мороженым и сосисками. Тут же бродили ряженные Петр с Екатериной, предлагая фотографироваться. Туристы, китайцы, в основном, конечно, послушно тратились на нехитрый ассортимент. Площадь выглядела почти как когда-то: вставлены окна, восстановленные фасады спрятали следы пуль и осколков, замазали граффити и отметины пожаров. Дядя Миша два года назад купил соседнюю гостиницу, когда-то роскошную, а теперь обветшавшую. Я категорически возражал, но теперь засомневался.

– Похоже, опять Михал Натаныч угадал. С гостиницей, – сказал я вслух.

– Угу, – Коля в качестве собеседника был безнадежен.

Дядя Миша сидел в кабинете с Казаряном. На столе между ними лежали два обширных ломтя гранита.

– «Чигран» пришел?

– На два месяца позже, – дядя Миша ущипнул бороду, – и посмотри на цвета.

«Чигран» поставлял нам облицовочный гранит. Для фасада Министерства юстиции они должны были отгрузиться еще прошлым кварталом. Вместо этого отправили в марте половину и замерли, играя обещаниями. В понедельник, в среду, в пятницу и опять в понедельник. Последнюю неделю отгрузка надежно планировалась «завтра». Наконец они разродились, но, кажется, совсем неудачно.

– Может, с разных сторон?

– Это колхоз, Карен. Чего сами говорят?

– Я звонил коммерческому, Фокину еще. Бредят. Карьеры, пласты, природный материал. Вроде бы могут второго цвета отгрузить, в качестве большого одолжения. Первый забирать отказываются.

– Коля, свяжись с Умаром.

– Я попробую, но он теперь плохо откликается. Телефон то выключен, то не отвечает. А даже если и достучишься, толку немного, похоже, все эти дела ему глубоко пофиг.

– Продаваться не хочет? Я б «Чигран» забрал.

– Спрошу.

– Карен, соглашайся, пусть отгружают, но кто-то от нас должен принять гранит на месте. Лучше всего ты. И вот еще, – он ткнул пальцем в стол.

– Да, Михаил Натанович, – ответила из динамиков Лидия Васильевна.

– Лидочка, по «Чиграну» пока не платим, тормози на своем уровне.

– Михаил Натанович, там по договору пени с двенадцатого.

– Неважно, без моей команды не платим.

– А другая поставка, ну, через «Хермитаж»?

– Тоже пусть не платят. И постарайся уговорить их сделать исключение, не знаю, письмо пошли голубиной почтой или зарежь кого-нибудь. Могут они, один раз, просто чтобы поразить меня, ничего не перепутать?

Казарян ушел, заказывать билет, надо полагать. Дядька он умный, работает давно и речевые рецидивы, вроде «лучше бы», верно понимает атавизмом интеллигентного ленинградского отрочества. Мы перебрались в малую переговорную. Узкая комнатка без окон была специальным образом экранирована и ежедневно проверялась на жучки. Теоретически она была полностью защищена от прослушки, но, честно сказать, я бы предпочел вечером прогуляться на даче к пристани. Так, наверно, проявляется возраст, теряешь доверие к технологии.

Выслушав, Михаил Натанович закрыл глаза и закусил губу, как-то даже постарев. Миша был единственным внуком, последней надеждой передать дело внутри семьи.

– Господи, как он похож на Борю.

Миша действительно многим походил на Борьку, и в первую очередь жизненной силой, унаследованной от деда. Про бесцветную Иру такого никак не скажешь, она вообще выглядела подкидышем в этой семье. Аркаша в лучшие годы был вовсе не глуп, обаятелен и дружелюбен, но какой-то легкий, летучий, совершенно не пригодный к серьезному делу. Михаил Натанович и для старших детей был заботливым отцом, но, как мне всегда казалось, из своего титанического чувства долга, совершенно неожиданного для биографии. Он был настоящий рыцарь дензнаков и финансовый самурай. За своих бился изо всех и до конца, а врагов закапывал безжалостно и глубоко. Нередко в явный ущерб и даже убыток, но он никогда не останавливался. Иногда казалось, будто принципы для него важнее денег.

– Нужно было позволить ему уехать.

Два года назад они сошлись с Мишей в схватке, и только искры отскакивали в столкновении бараньих рогов. По части упрямства Миша был достойным сыном и внуком. Михаил Натанович считал, что Мише надо учиться в английском или американском университете. Миша стоял за бизнес-школу в Гуанчжоу. Дедушкина логика понятна, он видел внука во главе компании, а любые китайские связи по нынешним временам увесистый минус. Даже Аркашины похождения среди слонов, карри и браминов немного мешали, а Аркаша в здешних делах не участвовал, и всерьез его, конечно, воспринимать невозможно.

Миша нес обычный детский бред. Американцы растоптали нашу страну, унижают, грабят и прочее в том же роде. Когда я, не сдержавшись, заметил, что он не выглядит особенно ограбленным, Миша вспыхнул и заявил, что из-за нас он соучастник воровства. Своих патетических слов ему не хватало, приходилось активно одалживаться в отцовском «Патриотическом манифесте» (сам Боря так его никогда не называл, что, впрочем, никого ни капли не беспокоит). Я язвительно, честно сказать, упомянул заимствования, проехался по воровству, на чем беседа и завершилась.

Споры, как всегда, ни к чему не привели, Миша остался учиться здесь. С Китаем, кроме отвлеченных соображений, были связаны и вполне конкретные деловые опасения. Помимо запутанных отношений с китайскими банками, Михаил Натанович владел третьим по размеру курортным комплексом на Хайнане. Собственность камуфлировалась виртуозной системой компаний-прокладок, теоретически непроницаемой, в том числе и для меня. Я, однако, был осведомлен до подробностей, соответственно, кто угодно мог беречь информацию о нелояльной инвестиции для удобного случая. Можно не сомневаться, умница дядя Миша учитывал подобную вероятность. В сложной игре с раскладыванием яиц по корзинам правила не прописаны, и никогда нельзя сказать, в какой момент тебе самому врежут и по корзинам, и по яйцам.

– Дядя Миша, может, не стоит особенно доверять этому упырю? Кстати, он правда был православным активистом?

– Был, был, как же не быть. Никто кроме него, так сказать. Я тебе больше скажу, еще раньше он был комсоргом курса на истфаке. Понимаешь? Хотя, тебе, небось,

что комсорг, что титулярный советник, все едино.

- Да знаю я.

- Знаешь. Но не понимаешь.

- Дядя Миша, я вас никогда не спрашивал, да и не мое это дело. Мы ежемесячно оплачиваем маркетинговую поддержку. Нет ли смысла зайти с этой стороны?

Михаил Натанович никак не выказал удивления. Железной выдержки человек. Не угадаешь, то ли сдержался, то ли знал, что я знаю.

- Видишь ли, Коленька, у маркетологов чрезвычайно запутанная внутренняя структура. В одном эээ... департаменте могут и не знать, что происходит в другом. Не хотелось бы привлекать их, разве на самый крайний случай.

Сказанное было справедливо. Соппротивление состояло из множества «фронтов», «союзов» и «отрядов», сложно перекрученных друг с другом, с китайцами, индусами, с самими американцами и Комитетом. Вонючая и запутанная клоака, к которой лучше не приближаться, тем более с такими вопросами, последствия возможны самые непредсказуемые.

- Самое лучшее, конечно, с ним напрямую переговорить. Наверно, мне лучше? Или все же Кате? - задумчиво проговорил дядя Миша.

Катино материнство устроено противоречиво. Она одновременно гордилась Мишиной схожестью с отцом и отчаянно боялась неизбежных опасностей такого склада. Он и вправду был Бориной копией и внешне, и внутренне. Умненький, резкий, категоричный, живущий в черно-белом мире. Катя никогда не понимала, и не мне разъяснять, что Боря навсегда остался мальчиком, не успевшим стать мужчиной. Когда-то, две жизни назад, и я был таким, но меня Катя таким не знала. Взросление, по мне, - спорное улучшение. Может, так и надо жить, точно различать хорошее и плохое, делать должное, не думая о сложностях мира и последствиях. Правда, сильно возрастают шансы расстроить маму.

Я попытался представить их разговор, но ничего хорошего не вырисовывалось. Катя, конечно, видела сына бестолковым карапузом, а он находился в возрасте,

когда больше всего гордятся придуманной зрелостью. Вернее всего, дело обернется бессмысленным и громким скандалом с нотками истерики. Ко всему прочему, Катя была ватником самого крайнего свойства, дальше уже шли психи в косоворотках с хоругвями, что в данной ситуации скорее минус.

– Мне кажется, лучше вам.

Несостоявшаяся поездка в Рыбацкое высвободила мне полчаса, и я успевал заскочить в «Чиполлино». Все скверное содержит позитивную щепотку. Машин в зеленой зоне было на порядок меньше, чем в старые времена, и внутренние перемещения совершались почти мгновенно.

Квартал, где располагалась Настина частная школа, лучшая в городе, отдавал немного старыми временами. Возле нескольких дорогих ресторанов толпились грозного вида охранники, бросавшие по сторонам пронизательные взгляды или с самым серьезным видом болтавшие о вечном: футболе и вчерашнем телешоу. Дима и Петя, увидев меня, подобрались, шевельнули челюстями и перешли от футбола к пронизательным взглядам.

Вокруг были разбросаны неряшливо припаркованные дорогие машины, чаще всего сиротские «мерседесы», но много было и китайцев, попадались электромобили модников, их с каждым годом становилось все больше. Древние рыдваны, основа нынешнего автопарка, составляли тут решительное меньшинство. Дома здесь не были еще приведены в порядок, выбитые окна заменили, но до фасадов пока не добрались. Следы боев не особенно многочисленны, зато все покрывала сложная вязь граффити. Прямо напротив «Чиполлино» на глухом фасаде привычную надпись вывели не обычной аббревиатурой, а полностью, метровыми буквами: «В наших жилах трехцветная кровь». Повсеместно считалось, что это последняя Борина песня, прощальный завет Великого Барда, как выражались на известных сайтах. В реальности (хотя она никому и не интересна) он написал после «трехцветной крови» еще пяток песен, а последней стала «Сиськи-горошинки, зубки раскосеньки». Подбадривал свою инвалидную команду.

Как обычно, я предложил Косте пообедать с нами, он, как обычно, отрицательно помычал.

– Папа! Папа!

Настя в форменном клетчатом костюмчике подбежала и, подпрыгнув, повисла у меня на шее. Я прижал теплый комочек к себе, глядя трогательно острые лопатки, и на секунду прикрыл глаза, чувствуя в груди нежное и мягкое расширение. В этой чертовой жизни, запутанной и сложной, было у меня, по крайней мере, хоть что-то бесспорное.

С Катей мы обменялись клевком в щеки. С ней ясности не предвиделось или, что почти то же самое, была полная.

Отматывая цепочки событий, лежащих в основании моей нынешней жизни, находишь неизменного Боря Берковича. Вечно молодого, тут сайты не ввали. Мы познакомились в первый же мой день на факультете. Боря был старше почти всех, исключая меня и еще двух-трех. У него уже случились три бесславных года Оксфорда и два десятка песен на английском. Я тоже успел обзавестись знанием собственной смертности, яростной готовностью жить на зависть и неприятной дыркой в шкуре.

Мы подружились. Боря был именно таким, какими я мечтал встретить друзей новой жизни. Образование, богатство, ирония, ум, уверенность, весь жизнь, весь прямо здесь и сейчас. Потом, правда, оказалось, что он такой один. Сложнее понять, что Боря нашел в неотесанном и, говоря по правде, деревенском парне; вернее всего, моя глупая жизнь преломлялась для него неведомой романтикой.

Боря был младше и календарно, и жизненно, но повлиял на меня, как, наверно, никто, исключая незнакомый мне расчет 152-мм орудия. Боря небрежно упоминал в обыденной болтовне каких-нибудь гвельфов, рококо или войну за австрийское наследство, я кивал, запоминал, иногда даже и записывал, а после яростно старался нагнать.

В те годы жизнь пульсировала отчаянно напряженно. Университет, Борино домашнее задание, язык, плюс необходимость зарабатывать хотя бы на лапшу, консервы и чай. Сперва я устроился ночным сторожем. Сомнительная работа почти не отнимала времени, но и деньги приносила такие же сомнительные. Года через полтора, оголодав и истрепавшись, я пошел младшим ночным диспетчером в «Питнате», благодаря Боре, конечно. Из необходимых навыков и знаний я разве читать умел, но довольно быстро освоился, вскоре став просто ночным диспетчером, а потом и старшим смены. Денег стало достаточно, чего не скажешь о сне.

Где-то посредине сторожевой карьеры я впервые увидел Катю. Увидел и пропал. Она была хороша собой, высокая, спортивная, с коротким вороним каре, но не в том дело. В ней не было совершенно ничего бабьего: она словно бы и не пыталась нравиться. В сочетании с особенной, кажущейся природной повадкой действие было магнетическое. Никогда прежде я не встречал таких женщин, как не встречал таких мужчин, ну или мальчиков, как Боря. Впрочем, таких, как Боря, я не встречал и после.

Шансов не было. Длинному списку Бориных достоинств я мог противопоставить широкую рязанскую морду, двухметровый рост, подкачанный торс и блистательную должность ночного сторожа. Они были уже вместе, и Катина гордость добычей была очевидна с первого же взгляда. Ребята вместе учились в этой своей знаменитой школе, Катя на пару лет младше, и уже тогда по уши влюбилась, что Боря едва ли замечал. Девки за ним ходили табунами, где уж тут нескладной малолетке, вытянувшейся в неловкого олененка, который не знает куда пристроить бесконечные руки-ноги.

Некоторое время я утешал себя наследственной Бориной состоятельностью, но это было глупо, неправда и било по самой Кате. Она довольно презрительно отзывалась о деньгах и, похоже, романтически гордилась бедностью своей артистической семьи. Другое дело, что их бедность, в сравнении с привычной мне, была сказочным богатством, слабо различимым с миллионами дяди Миши. Ее разведенный папа, театральный режиссер, жил большей частью в Берлине. Мама, художник-иллюстратор, берегла слабое здоровье, проводя большую часть года на скромной дачке в южной Италии. Для меня «скромная итальянская дачка» звучала как горячий лед и горький сахар. И в Боре, и в Кате меня привлекало ощущение людей, не знавших бедности. В их мире не существовало обоссанных подъездов, «классик» с неработающими печками, мешков «картохи» с бабушкиного огорода, жалких клумб в сношенных покрывках. Они, особенно она, искренне не понимали, почему бы мне не махнуть со всей компанией на выходные в Рим: «Правда, правда, тебе понравится!» Для нее Рим был ближе итальянской дачи и гораздо ближе дальней папиной, во Флориде. Катя и не подозревала, что у кого-то может не быть визы, паспорта или денег, а чаще всего и первого, и второго, и третьего.

Влюбился бы я без гарнира благополучия? Не знаю. Это была бы совсем другая женщина. Я ведь тоже был бы другим, не вырасти я в нищем уральском райцентре у бухавшего отца, допившегося до смерти к моим двенадцати, и толстой запуганной мамы.

Где-нибудь через полгода Катя забеременела, они поженились. Мои нулевые шансы снизились еще больше, переместившись в область мнимых величин. Отчаявшись, я согласился на Борину протекцию, обернувшись диспетчером. Прежде, учитывая коварные планы, принимать помощь казалось малодостойным.

Катя как-то обмолвилась, что все они прекрасно видели, и я мог не трудиться принимать безразличные позы и не окутывать вниманием барышень. Бог весть, правда ли.

Много лет назад я услышал, что всего можно добиться, как следует захотев. Поразительно, но слабоумный оптимизм этого рекламного слогана полностью состоялся в моей судьбе. И, как всегда оказывается, надо было внимательнее следить за мелким шрифтом: добиваешься именно того, чего хочешь, а не того, что тебе нужно. Получаешь женщину, проиграв соперничество. Я в ее глазах весь состоял из чертовых достоинств, и «что ж теперь сделаешь», и «надо как-то жить дальше», и «Миша к Коле ужасно привязался, да и Коля относится к нему как к сыну», ну и прочий бред.

Нельзя победить мертвого. Вся моя забота, нежность, внимание не смогли ничего переменить. Мертвые не говорят глупости, не путаются в пассивном залоге и старых фламандцах, у них не бывает похмелья и никогда не барахлит кишечник, у мертвых вообще никогда ничего не болит. Вдобавок Боря сделался всемирным брендом и трендом, его песни звучат из каждой поганой шарманки, его портреты на всем на свете, включая футболки австралийских кинозвезд. Соловьем разливаются в телешоу и таблоидах полужнакомые «лучшие друзья», незнакомые бабенки кокетничают «роковыми влюбленностями».

В детстве (отец, кажется, был жив или только недавно умер) у меня случилась отчаянная страсть к радиоуправляемому танку. Перебив чертову уйму машин и собрав вагоны картошки, я скопил необходимое и получил мечту в дрожащие руки. Игрушка оказалась дешевой поделкой ломкого пластика с вечно садящимся аккумулятором, волшебные функции отказали одна за другой. Мне, будь я поумнее, следовало уже тогда понять, что на самом деле мы мечтаем не о женщинах и танках, а о счастье, обманчиво мигающем сквозь яркие упаковки. Но счастье получают не там и не так.

Настя щебетала прожитый день, довольно неразборчиво, надо сказать. Я подбадривал своевременными восторгами и удивлением, одновременно

расправляясь с карпаччо. Все складывалось успешно, оставался шанс успеть и с пастой.

– Настенька, что тебе сказал учитель математики? – спросила Катя.

Настя разлилась хвастовством, и Катя со значением посмотрела на меня. Тут велась масштабная позиционная война. Катя мечтала отдать Настю в эту свою знаменитую школу, которую окончила она, Боря, Миша, папа Кати и даже Михаил Натанович. В общем, все на свете, кроме меня и Софьи Олеговны, но она не в счет. В битве за начальную школу мне с союзниками удалось победить. Школа располагалась за пределами зеленой зоны, вызывая вопросы по безопасности, но честно сказать, не только безопасность меня беспокоила, просто слишком много их школы вокруг и совсем нисколько меня внутри их школы. Теперь борьба шла за среднюю школу, и я сопротивлялся больше для вида, готовясь к эффектной и неохотной капитуляции. Глупо руководствоваться раздражением и страхом отчуждения, школа вправду хороша, а у девочки явные математические способности. Есть в кого.

– Ну, и что у нас с планами на вечер?

Настины планы строились вокруг Гуни и Тибо, лошадей с дедушкиной дачи. Катя сморщилась, тут тоже шла своя война, длинная и позиционная, но в ней я держал строгий нейтралитет. После рождения внука дядя Миша впал в не свойственное ему буйное помешательство и купил у разорившегося заказчика недостроенный дом, если, конечно, это циклопическое сооружение можно так назвать. Катя предпочитала термин «эрзац-палаццо». Купил – тоже не совсем точно, правильнее сказать забрал, закрыв долги перед банками и самим собой. Как раз настали плохие времена, в смысле, тогда казавшиеся плохими, что такое по-настоящему плохо, нам еще предстояло узнать.

Дом был безнадежен. Никакие косметические и хирургические вмешательства не смогли скрыть ни восхищения заказчика флорентийскими палаццо, ни недовольства их скромностью.

Катя ненавидела любые интерьерные излишества. За пределами музеев капители, колонны и лепнина до дрожи ее раздражали, а дяде Мише не хватало решимости выбросить дорогостоящие заказные завитушки. Впрочем, это ничего бы не дало, Катя была плоть от плоти питерского центра, она в принципе

терпеть не могла загородную жизнь. Ее интерес бился здесь, между премьерями, выставками, спектаклями и болтовней, уже не казавшейся мне такой высоколбой, как много лет назад.

Бабушка с дедушкой как умели заманивали к себе внука, а теперь внучку. Огромный бассейн с горками и пузырьками сохранился еще с Мишиного детства, невероятная детская площадка обновлена и расширена, теперь добавились лошади. Если так пойдет дальше, дело дойдет до каруселей и американских горок. Они, казалось, и не вспоминали, что Настя им не родная.

Я покорным грузом долгие годы перемещался между двумя домами, следуя за победами и поражениями, и в результате потерял всякое представление, где у меня что лежит.

– Даже не знаю, как быть. Мы ведь хотели за туфельками зайти, – не сдавалась Катя.

– Да! Папа, я хочу малиновые на маленьком каблучке, – Настя обрушила на меня подробности.

– Девушка, как там с пастой? – последнее время хотя бы в самых модных ресторанах начала проходить мода на дронов-официантов.

– Сейчас спрошу. Одну минутку.

– У нас в четыре рисование. Если потом пойти по магазинам, то к лошадкам уже будет поздно ехать.

Настя закусила губу, точь-в-точь как дядя Миша, на лице отразилась тяжелая внутренняя борьба. Она даже опустила ложечку грушевого мороженого, из-за которого, собственно, они и обедали в «Чиполлино» чуть ли не ежедневно.

– Мама, давай сегодня к лошадкам, а в магазин завтра?

– Не выйдет, солнышко, завтра у тебя теннис, потом музыка, а вечером мы с папой идем в театр.

– Да-а?

– Я тебе говорила, у Нилова премьера.

– Может, подождем с лошадками до выходных?

Я был убежден в исходе, но не угадал.

– Нет, к лошадкам. За туфельками можно потом или на выходных с бабушкой. – Вид у ребенка сделался совершенно несчастный.

– Думаю, если взяться за дело по-настоящему решительно, – не выдержал я, – заскочить в магазин, отобрать у продавщицы самые лучшие туфельки и сразу сбежать, то можно как раз успеть к лошадкам.

– Мама?

– Ладно, – Катя улыбнулась и махнула рукой, – постараемся.

– Извините, – официантка дождалась возможности вступить в разговор, – буквально пятнадцать минут.

– Ну нет, так не пойдет, – я глянул на часы, – девушка, вы разрушили мечту. Я не успею насладиться волшебными спагетти кон вонголе и буду несчастен как минимум полчаса.

– Извините, – несмело улыбнулась официантка.

Садясь в машину, я вспомнил Нилова, неопрятного толстяка в растянутом свитере, модного, вроде бы, художника. Вообще, как ни удивительно, в нашей разоренной столице разоренной страны кипела большая художественная жизнь. У меня не хватало ни времени, ни интереса следить за ее причудливыми изгибами. Так что, вполне может быть, и не художник, а может, как раз художник, кто их разберет.

Все позитивное содержит щепотку скверного. Оставленный в машине телефон успел собрать семь непринятых вызовов. В старые времена я успел бы по дороге

от «Чиполлино», до «Европейской» ответить на все, а сейчас едва закончил третий разговор. Успел бы еще меньше, но после обеда на улицы высыпало множество дронов и кортиков, на углу Немцова и Казанской проверяли машины, отняв несколько минут. Гостиницу окружал двойной кордон, наружный из контриков и внутренний из дронов, парковаться нас не пустили, пришлось прогуляться от Невского.

Дейв уже сидел в ресторане отеля и даже успел получить бутылку воды. Такими мужиками любят украшать рекламу, намекая на успех и престиж, кофе там, виски или часы. Поджарое мускулистое тело, правильные черты, седые виски, безукоризненный галстук, безукоризненный костюм, безукоризненная рубашка, ботинки под столом не разглядеть, но нет сомнений, что и там идеальный порядок.

Следуя ритуалу, мы обсудили экономику, биржевые котировки, сравнительные достоинства частных школ Англии, Швейцарии и США. Я рассказал о рынке недвижимости, он о президентских выборах и разногласиях кандидатов по внешнеполитическому курсу. Не считая небольшой проблемы с мягкими согласными, русский у него был отличный, во всяком случае, куда лучше моего английского. От американской политики мы перешли к напряженности в Заливе и тревожным заявлениям последних недель по Кашмиру. Кашмир меня интересовал даже меньше художественной жизни, но американцы в целом и Дейв в частности не могли обойтись без двух-трех кругов бессодержательной болтовни.

Покончив с закуской, он перешел наконец к делу. Достал из безукоризненного чехла планшет, аккуратно разложил и вывел чертежи.

– У нас в последний момент возникло несколько великолепных идей. К сожалению, мы уже не успеваем внести изменения в тендерную документацию. Придется действовать назад. Не мог бы ты оценить наши концепции?

Я пролистал несколько листов. Как и следовало ожидать, навороченное и бестолковое решение по подъездным путям заменили на очевидное и простое. Их предложение немного отличалось от наших прикидок, но обходилось, навскидку, еще дешевле, даже не в три, а скорее в четыре раза. На следующем листе была неожиданность.

- Паркинг?

- Да, посоветовались и решили отказаться от двух нижних уровней подземного паркинга. Специалистов смущают грунтовые воды, и мы предпочли нарастить четыре дополнительных уровня отдельной парковки.

Конструктив, вентиляция, отделка – они резали все. Перед нами лежал, по сути, новый проект себестоимостью процентов на 40-45 ниже заявленного на тендер. Может, даже вдвое.

- Очень интересно. Ты не мог бы мне переслать? Хочется внимательнее изучить.

- Конечно. Должен сказать, мы в Агентстве крайне ценим ваши компетенции и были бы рады вашей победе.

Агентство по кооперации и модернизации возглавлял обаятельный дедушка с великолепным русским, еще лучше дейвовского. Он предпочитал разрезать ленточки и произносить трогательные речи о горизонтах, возрождении и демократии, передав денежное представительство Дейву.

- Это не только наша позиция, – Дейв продолжал выкладывать козыри на стол. – Администрация с нами полностью солидарна.

Под Администрацией Президента имелся в виду тихий и неприметный американский советник, здорово смахивающий на крысу. Сам глава Администрации был слишком занят хроническим алкоголизмом и малолетними любовниками.

- Министр нас поддерживает.

Это означало советника министра, длиннющего жлоба с квадратной челюстью, не выучившего за пять лет ни единого русского слова. Министерство жилищного строительства и развития городского хозяйства возглавлял милый придурок немного за тридцать. Из достоинств у него был превосходный английский, диплом хорошего американского университета, всегда сверкающие ботинки и ослепительная улыбка. По телевизору он смотрелся безукоризненно, чем и ограничивался, сосредоточившись на ботинках и запонках.

– Управделами тоже за вас.

Кротов меня как раз смущал. Удивительной проницательности слизняк, никогда не разберешь, во что он играет. Опять же, Дейв пришел, а от него тишина. Это что-то значит? Или нет? В целом выглядело душевно. Юрисдикция города над зеленой зоной довольно формальна, обойдется недорого. В партии Зябликов. В сущности, он ни при чем, но лучше бросить копейку-другую, чтобы не пахло.

Кроме нас на тендер шли Брагин и Даудов. В отличие от наших подставных голландцев, в конечном счете нами же и контролируемых, у них консорциумы с самыми настоящими американцами. Напрямую западники после нескольких трагических неприятностей к нам не заходили. Кстати, очень похоже, что кто-то тогда не постеснялся воспользоваться «маркетинговой поддержкой».

На словах и Брагин, и Даудов в целом не против отойти. Брагин хотел терминал, а с Даудовым придется, похоже, расходиться монетой. Если только один из них или оба сразу не шуруют под столом. Опять же, Кротов молчит.

– Удовлетворены ли вы работой с поставщиком по Министерству юстиции?

– Чрезвычайно, спасибо вам огромное за рекомендацию. Прекрасное качество работы. Абсолютная, американская, я б сказал, четкость.

Дейв удовлетворенно кивнул самым серьезным образом – с чувством юмора у него катастрофа. «Хермитаж констракшен» состоял из пяти-шести подтянутых янки, вроде него самого, и стада симпатичных местных девиц. Их компетентность была совершенно фантастической. Они путали швеллер с двутавром, лампы со светильниками, грунт со шпаклевкой, коробки со щитами и вообще что угодно с чем угодно. Вдобавок к профнепригодности у них стоял задорный дух бардака и воровства.

«Питнат» включал в себя четвертого в стране поставщика стройматериалов, и как они ни старались, кое-что закупалось, в конечном счете, у нас же. Почти вся метизная группа, например, шла с нашего завода в Липецкой области.

Бухгалтерски окольевав поставки, мы легко вычислили несложный путь, проходящий через двух поставщиков. «Юпитер», небольшая, но старая компания второго плана, продавала «Хермитажу», однако закупалась не у нас, а у

промежуточной конторы с гордым именем «Глобал саплай», где и оседало две трети маржи. «Глобал» оказался чудесным бизнесом, с двумя сотрудниками в штате и офисом размером с небольшой шкаф, но приносил, по моим прикидкам, миллионов сто – сто пятьдесят долларов в год. Заправляли схемой три девчонки из «Хермитаж», чьи достоинства не исчерпывались развитыми молочными железами. Ласково прищевив им хвостики, мы шалили пуще прежнего, затаскивая материал на стройку напрямую. По мне, дядя Миша даже немного увлекся, скажем, с облицовкой фасада он явно зарвался. Слишком уж очевидная позиция, даже подтянутый американский бездельник способен отвлечься от оргий, откатов и пробежек, стащить где-нибудь калькулятор и поймать нас за руку. Конечно, кое-что мы и про них знали, но тут было больше умозаключений и догадок.

Стройная была система. «Хермитаж» тянул из бюджета, мы, русские девочки и американские менеджеры, воровали у «Хермитажа». Субподрядчики, прорабы и работяги старались стянуть у нас все что под руку придется, от мешка штукатурки и шпателя до вагонов с металлопрокатом. К таким, как Дейв, сходились ручейки, пригубленные всеми нами, но вполне полноводные. Все эти сертифицированные производители, включенные в реестр. Трубы, сделанные именно теми, краски – именно этими. Конструкторские бюро, рассчитывающие за эшелоны денег стандартную балку, бессмысленные лаборатории, проводящие ненужные замеры. Ручейки собирались в полноводную реку и уходили в заокеанские выси, а тамошних течений и ветвлений я уже не понимал. Строй мы, как в старые времена, церкви, система стала бы окончательно всеобщей, включив в долю и вседержителя.

– Дейв, единственное, подумываем, не отказаться ли от бетона, у нас все-таки свои заводы. Вы ведь помните рекламации по этой позиции?

– Не припоминаю.

– Да? Было несколько довольно неприятных эпизодов. Тем более один из заводов у нас временно прямо на территории верфей, буквально метров пятьсот до стройки.

С бетоном было особенно нехорошо, хамская наценка, плюс постоянное жульничество с объемами, а самое скверное – с маркой. Вдобавок – наш завод был единственным в зеленой зоне, но у нас они покупать стеснялись и возили через блокпосты с непредсказуемыми задержками и простоями.

- Боюсь, при вашем отказе от части поставок им придется поднять цены остального ассортимента. Хотя я ничего в этом не понимаю. Вам лучше напрямую встретиться.

- Может, завтра?

- Как удобно.

По ресторанному залу разлетелись крохотные дроны, следом зашли двое белых и двое черных мужчин в характерных неброских костюмах, зыркая по сторонам и бормоча что-то в лацканы.

- Как-то много их сегодня.

- Так ведь Сандерс приехал, - Дейв посмотрел на меня с некоторым удивлением, - ты разве не идешь сегодня на прием в агентстве?

Мне пришлось минут пятнадцать подождать в приемной перед кабинетом дяди Миши: шло совещание с дивизионом эксплуатации и обслуживания. Когда они начали выходить, их суровые, недовольные лица лучше любых цифр и графиков подтверждали деловой застой последнего года.

Михаил Натанович постукивал по столу, довольно отчетливо бормоча «кретины». В экранированной переговорной дядя Миша полностью согласился со мной и по ясности с Брагиным, и по сомнительности Даудова.

- Очень может быть, - задумчиво сказал он, - очень может быть, они с Кротовым поганку готовят. Может, конечно, цену набивает. Даудов - мужик мутный.

- Сандерс приехал, Кротов стопроцентно будет на приеме. Надо бы его прощупать. Легонечко так.

- Прощупаешь его... Хотя попробуй. Хуже не будет.

- А сами не хотите?

– Тошнит меня от этих упырей. К тому же вы у нас сегодня, я Настеньку давно не видел. И потом, у тебя просто талант на упырей. Любят они тебя.

Все-таки стареет, в прежние времена он никому бы не доверил, не поддался бы сантиментам.

– Конечно.

На выходе я обернулся спросить, не переговорил ли он с Мишей.

– Разговаривал, разговаривал. Совсем охамел. Их величество сегодня подъехать не смогут. У него, понимаешь ли, необыкновенно важные планы на вечер, какие, правда, не сказал. И предложил мне – мне! – подъехать в какой-то кабак. «Орел». Смельчаки.

– Ух ты, дерзко. На двуглавого, я так понимаю, пороку не хватило?

– Угу, и сами мы какие-то неискренние.

– В смысле?

– Долго объяснять. Иди.

Света подскочила навстречу с огромной книгой в руках. Дядя Миша всегда говорил: хочешь дела – бери секретаршу за сорок. С тех пор как я дослужился до личной секретарши, ей перевалило за пятьдесят, но в работе Света становилась только лучше. Разворот амбарной книги был исписан убористым почерком. Красным отмечено срочное, синим важное, черным все остальное. Чтобы раскидать даже самое неотложное, нужен полный рабочий день, но было уже полпятого, а в семь начинался прием в агентстве. Лето еще толком не началось, да и какое у нас тут лето, но я как-то сумел вспотеть, так что нужно было привести себя в порядок, сменить по крайней мере рубашку, а хорошо бы и костюм на что-нибудь более вечернее. Такие приемы лучше посещать с женой, но Катю к разнузданному веселью подобного свойства надо готовить за неделю, и то никаких гарантий. Сейчас уже можно не беспокоиться, выдернуть ее из Песочного ради протокольного занудства не выйдет ни при каких обстоятельствах.

Я твердо пообещал себе провести следующий день в офисе, отбиваясь от всех, но тут же вспомнил про встречу с «Хермитаж». Разобравшись с десятком мелких дел, я вывел на стол разрез фасадов, на сектора монитора письма менеджера проекта и юриста, отчет планово-технического отдела. Начальную и дополнительную сметы подрядчиков, занимавшихся остеклением, Света мне распечатала. История была головоломная и сложная, что-то тут не сходилось, а решать следовало спешно, до начала работ. Я увеличил один из элементов чертежа и забегал глазами между мониторами и бумагами, делая заметки в планшете.

Заноза застряла в мыслях, мешая сосредоточиться. Зачем-то я уже возился недавно с этими чертежами, и почему-то очень важно было вспомнить подробности. Заноза разрасталась, пока я не вспомнил.

– Костя, машину живо!

– Николай Андреевич, вы вернетесь? – спросила Света, но я уже выбежал из приемной.

Нетерпеливо кружа в ожидании лифта, я набрал Мишу, он не отвечал. Тогда я отыскал в интернете адрес «Орла»: оказалось, в зеленой зоне, совсем недалеко. Чертова семейка с их чертовыми идеалами. Мой-то идеализм в долю секунды и навсегда излечил под Тельманово осколок 152-мм снаряда.

В то лето Боря за считанные дни превратился из легкого фрондера, беззаботного противника и насмешника режима в запредельного ватника и ненавистника Запада. Тогда и были сочинены эти его шлягеры. Мне, кстати, больше нравились ироничные Борины песенки, лишённые чуждого для него пафоса, но я, кажется, такой на свете один.

Песен Боре оказалось мало, он создал отряд ополчения «Орел». Одного взгляда на сброд, записавшийся в батальон и крутившийся вокруг, было довольно, чтобы убедиться в совершенной безнадежности затеи. Очкастые задохлики, малолетние истеричные дуры. Особую статью составляли буйнопомешанные, считавшие себя язычниками, они подвязывали немытые космы вышитыми ленточками, носили какие-то вычурные косоворотки и по любому поводу норовили завести беседу о древнем величии, славянских рунах и прочих перунах. Даже мой прапорщик Меленчук, а он был великий в своем роде

человек, опустил бы руки, доведись ему делать из этого сброда солдат.

Не то что с боевым опытом, а даже просто отслуживших было два-три человека, не больше. Боря уговаривал меня стать у них кем-то вроде инструктора, и я согласился. Согласился, потому что Боря попросил, согласился, чтобы показать ему весь идиотизм и нелепость затеи.

К концу лета все было кончено, Москва превратилась уже в огненное озеро, и мама...

Мама сопротивлялась уговорам перебраться ко мне насовсем. Ей мнилось, будто она мешает сложиться моему семейному счастью. «К твоему богатству детишек бы еще», – говорила она.

В то время из богатств у меня водилась трехкомнатная квартира в доме начала века, недавно купленная со всем содержимым, включая чайные ложечки. Квартиру эту дядя Миша подарил своей пассии, грудастой хохотушке-блондинке. Кто-то из них остыл, пассия выходила замуж и избавлялась от изобличающего. В общем, скидку на конфиденциальность отчасти уравнивал налет сибаритства и порока. Мама, впрочем, вряд ли замечала эти тонкости, ее девственное воображение поражали нехитрые блески комфорта вроде пальм в лифтовых холлах, подземного паркинга и бильярда в вестибюле. Мама все старалась сбежать домой, выдумывая дела, приближала внуков, наверно.

Бомба накрыла соседнюю воинскую часть ракетчиков, ветер дул неудачно, и наш городок накрыло облаком. Мамы не стало.

Мы встречали их на Пулковском шоссе. В обычном густом потоке машин заметную долю составляли осколки исчезнувшей уже армии. Техника, везущая на броне гроздь солдат, грузовики и легковушки, заполненные людьми в форме. К нам прибился пяток ребят на потрепанном и закопченном БМП, потом танк, Т-90, кажется, тягач подтащил 100-мм противотанковое орудие с десятком снарядов. Парни были ошалевшие, грязные, в разномастном камуфляже, они сами ничего не знали, только материли начальство и пересказывали, каждый свои, невозможные слухи.

Шоссе как-то разом опустело, только редкие машины испуганно и торопливо проскакивали неожиданно свободную дорогу. Потом появились они. Первая волна шла нагло, как на параде, без охранения, без разведки, без ничего, словно все уже кончено. Фугасы удачно заперли колонну на виадукке, они выскакивали из подбитых машин, выкрашенных в дурацкий песчаный камуфляж. День выдался поразительно теплый для второй половины августа, многие были даже без бронежилетов. До сих пор странно, не могла же их броня обходиться без кондиционеров? Они металась в растерянности, словно пьяные или контуженные. Это был какой-то чертов тир, а не бой.

Когда все кончилось, ребята помешались от радости, словно войну уже выиграли. Только что тряслись и не умели вставить магазин, а тут ощутили себя непобедимыми воинами. Даже я как-то поддался эйфории, ну и сразу отхватил свое. Мы собирали оружие и добивали раненых. Да, добивали, герои такое в мемуарах не пишут, но нам некуда было их девать. Один из дронов ожил, никто тогда ни хрена не понимал в этих дронах. Ожил и засадил по мне и еще одному парню, солдатику. Я так и не узнал, как его звали. Солдатику в голову, а мне под лопатку, ничего броник не помог, прошило насквозь, застряв в передней пластине.

Ясно было, что нам просто повезло, как в лотерею выиграли, что через несколько часов они подведут свою махину и размажут нас к чертовой матери. Я пытался объяснить Боре, но у меня только кровавые пузыри лезли, да и не слушал он меня. Похлопывал по руке, нежно так, и успокаивал. Меня... меня, блин, успокаивал! Дескать, залатают, все будет путем, только молчи. Хотел я ему в ухо дать, чтоб заткнулся, но и того не смог.

Приехала «скорая». В этом балагане, словно ничего особенного не происходило, продолжали работать «скорые», и офисы, и торговые центры. По нездешнему высокому небу плыли роскошные мультяшные облака, и солнце плескалось в окнах высоток. После укола я очнулся только на следующий день, навсегда оставшись с привкусом несовершенного предательства. Оставить их одних было все равно что бросить пятилетних детишек в лесу. Мы вместе пришли и вместе должны были уйти или вместе остаться. И жениться на его жене тоже было нельзя.

«Орел» оказался в точности таким, как я и представлял. Полуподвал в глухом переулке с грошовой арендой. Чтобы проникнуть внутрь, нужно было акробатически протискиваться вдоль стены мимо титанической лужи, широко

разлитой на разбитом тротуаре. Дождя, заметим, не было уже неделю. Напротив закрытого гардероба стену занимал умело нарисованный безголовый орел, по шеем на грудь стекала кровь. Для слабоумных вокруг висела ленточка с Бориным «моему орлу срубили головы». Строка была из «Орла», третьей по популярности его песни.

Грубо сколоченные столы, случайные, тщательно подобранные, разномастные стулья и диваны, невысокая эстрада в углу. На стенах постеры с Борей, естественно, та самая фотосессия, сделанная за пару дней до боя на Пулковском. Боря с гитарой, Боря смеется, Боря прикуривает от горящей ветки, Боря стреляет из пулемета, Боря чистит разобранный автомат. Та девчонка едва уговорила его на эти съемки, для пропаганды нашего дела, как она говорила. Девочка стала тетенькой и все еще процветает, кормясь с этих снимков.

На фотографиях Боря был в тельняшке и парадном ватнике. В те дни он одевался или так, или в какой-то немисливо модный камуфляж, и весь был обвешан сверхсовременной военной амуницией. Половиной Боря едва умел пользоваться, а другая половина была просто бессмысленным хламом. Производители армейского снаряжения здорово наживаются, продавая brutальный мусор теоретикам-любителям.

Все это странно смотрелось с его тонким носатым лицом, которому очень бы пришлось очки в тонкой металлической оправе, не избавься Боря от близорукости еще в ранней юности.

Зал был почти пуст, только бармен и десятка полтора ребят за длинным столом, в основном парни, конечно, но было и несколько девчонок. Одеты все были по моде, а моднее других был Миша, особенно сильно походивший на клоуна.

– Дядя Коля? – удивленно спросил он и немного привстал, но не до конца, оставшись в странном промежуточном положении.

Я взял паузу, позволив себе небольшое удовольствие от его идиотской позы. В смысле моды выяснились новые увлекательные подробности. На нем были обтягивающие камуфляжные штаны с накладкой, имитирующей гигантские причиндалы, по гангстерской американской моде.

– Пойдем, поговорить надо.

– Можно здесь. У меня от ребят секретов нет.

– У меня есть. Пошли, – я, не оборачиваясь, вышел на улицу.

Только сев в машину, я сообразил, что он может и не выйти, выставив меня кретином. Само по себе обстоятельство малозначительное, но терялся темп и эмоциональное преимущество, а в предстоящем разговоре на разум и рациональность полагаться не приходилось. Миша все-таки вышел и угрюмо уселся рядом. Расчет оказался верен, какие-то ошметки взрослого авторитета я еще сохранял.

– Ну? Чего вы как с цепи? Сначала дед, теперь ты.

– Костя, погуляй пока.

Я доверял Косте как себе, но и ему не стоит знать лишнего без необходимости. К тому же таким образом я подчеркивал Мише всю серьезность ситуации.

– Миша, Миша... – случившееся было так нелепо, что я затруднялся начать, – скажи мне, Миша, когда ты пару недель назад интересовался министерством и агентством, это зачем было?

– Ну, интересно, чем вы с дедом занимаетесь. Тем более такой масштабный проект.

– Второй раз скормить мне это фуфло не выйдет. Твой интерес был как-то странно сосредоточен на системах безопасности, нынешних и будущих. К чему бы это? – я заглянул ему в глаза.

– Ну, э... – Миша смешался, сказывался недостаток опыта, – все-таки самое интересное, технологичное.

– Миша, я не старшеклассница. У меня даже косичек нет. И кормить кошечку я к тебе не поеду.

– Какую кошечку?

– Милую! С хвостиком. Ты, Миш, задумал глупость, не знаю какую точно, но глупость. Дурацкую глупость. Причем в неправильном месте и с неправильными людьми.

– И что же ты, дядя Коля, знаешь об этом месте? Или о моих друзьях?

– Побольше твоего. Представь, что ты кортик...

– Дядя Коля, если уж пытаешься щегольнуть молодежным сленгом, зови их катетами, кортики – вообще несовременно, так никто не говорит.

– Пусть так. Как ты думаешь, долго ли проработает такое заведение без санкции конторы? Сколько, по-твоему, тут стукачей?

– Среди моих друзей ни одного.

– Откуда бы тебе это знать? Человек слаб.

– Вот это я знаю, – он со значением посмотрел на меня.

Я не без труда сдержался: то, что мне хотелось ответить и даже сделать, к цели не приближало.

– Ладно, давай оставим в стороне, как ты это делаешь. Хотя делаешь опасно и неумно. Давай поговорим, зачем ты это делаешь. Предположим, а так не будет, вас не поймают, вы успешно заложите и взорвете какую-нибудь идиотскую бомбу в министерстве. Кто, по-твоему, пострадает? Подлые оккупанты? Мерзкие предатели? Ничего подобного. Оторвет голову какой-нибудь Полине Петровне из подотдела департамента по делам несовершеннолетних и уборщице Кате. Зачем это? Кому будет хорошо? Ты, кстати, лично знаком с нынешним замминистра.

– С Галицким?

– Вот что он плохого тебе сделал?

При чем здесь я... И что Галицкий? Ну, обаятельный человек. Мало ли кто обаятельный. Гитлер вот тоже любил кошечек. Только теперь Галицкий беззаветный защитник пидоров, любитель повосхищаться демократиями. Англия, Магна Карта, все такое. Где же его консерватизм и православное слабоумие?

- Ты его путаешь, я даже догадываюсь с кем. Галицкий всю жизнь стоял за либералов.

- Ну и что? Какая разница? Чего спорить, ты сам обо всех них отзываешься как о подонках.

- Я и о предыдущих так же отзывался, да они и были ровно такими же, а если подумать, просто теми же.

- И ты предлагаешь по этому случаю ничего не делать. Смириться и терпеть, - он включил монитор, вмонтированный в спинку водительского сиденья, и защелкал, переключая цветастые картинки. - Надо же что-то делать.

- Померь температуру. Лучше всего ректально. Или выучи хинди, раз уж тебя так угнетает бездействие. И прекрати, выключи.

- Ничего не делать и смириться... Досталось тебе, дядя Коля.

- Мы все умрем. Ты, я, даже маленькая Настя. Это никому не нравится. Категорически. Почему бы не взорвать в знак протеста городской планетарий?

Миша подался вперед спорить, но я остановил его движением руки.

- Четырнадцать лет назад я сидел с моим другом, лучшим моим другом, в заведении вроде этого, только картинки были другие развешены. А так точно такой же шалман, где молодым бунтарям подавали модные коктейли и чувство собственного величия. Мой друг был очень красноречив, куда красноречивей тебя, он говорил слова, убедительные слова. А может, так казалось, мне ведь было на четырнадцать лет меньше, чем сейчас. Я отговаривал его, как отговариваю тебя, но почему-то получилось так, что не он пошел со мной, а я с ним, хотя прекрасно было понятно, как это глупо и бессмысленно и чем

закончится. И Боря понимал не хуже, но вокруг была толпа истеричек и придурков, обожавших его, и страх увидеть их хари недовольно сморщенными был сильнее разума, сильнее всего. Боря тогда носил ватник и тельняшку. Не символические подделки, как у тебя, а самые настоящие. Представить не могу, где он их раздобыл. Но даже настоящий ватник и настоящая тельняшка – тоже слова. Боря, как и ты, ничего не знал о всяком таком, о людях, носивших тельняшки и ватники всерьез, не маскарадом. Уже к вечеру, пока я валялся без памяти весь в дырочку, твоя мать искала моего друга по моргам. А маленький мальчик плакал и звал папу и маму. И все это было зря, просто так, ни за чем.

– Это было зачем, дядя Коля, его портреты висят везде, его стихи знает каждый. Отец зажег огонь, который никогда не погаснет.

– Ты говоришь слова, хлесткие слова, громкие слова. С ними нельзя спорить, но не потому, что ты прав. Чтобы спорить со словами, нужно говорить другие слова, а я этого не умею и не люблю. Огонь... Если огонь нужен, его зажгут. Не обязательно умирать в двадцать семь, тем более в восемнадцать. Мне надо было двинуть его табуреткой по башке, скрутить и запереть где-нибудь на неделю-другую. И с тех пор я постоянно спрашиваю себя, почему же я этого не сделал?

– Потому что не смог бы. Он был герой. Героя, дядя Коля, табуреткой не остановишь.

– Наверно. Поэтому его портреты висят всюду, а у меня что-то ноет на погоду. Подумай прежде, чем начнут вывешивать твои портреты, подумай хотя бы о матери, она не переживет еще одной прогулки по моргам.

Я торопливо метался по квартире, собираясь. Никогда бы не признался в этом Кате, но у дяди Миши, при всех капителях и ангелочках, мне нравилось больше. Из нашей квартиры Катя устроила какой-то морг класса люкс, ужасно стильный, сплошное стекло и хром, но мало походящий на человеческое жилье.

Миша не шел у меня из головы. Дело двигалось к большой беде, и разговорами тут не поможешь. Упрямый молодой баран. Где-то между часами и бабочкой меня осенило. Найденное решение выглядело коварно, но эффективно, и к тому же несложно. Можно Ушакова попросить, он не откажет, да и нужна мелочь. Закрывают его на пару дней и прессуют. Без членовредительства, но жестко, чтоб обкакался. Горя Миша не видел, стараться особенно не придется. Он

выходит, и дядя Миша рассказывает, как вытащил его едва-едва, за большие деньги и ненадолго. Юноша меняет замаранное бельишко и, обгоняя тень, сбегает учиться в Китай, пока за ним не пришла кровавая охранка. В Гуанчжоу видит в каждом встречном тайного агента, а себя считает очень важным политическим беженцем. При хорошем исполнении должно хватить надолго, может, и навсегда. Правда, если не совсем обалдеет от страха, может возникнуть резонный вопрос, почему им занимается полиция, а не кортики, ну, или как их там теперь. Значит, не должны представляться. Выглядит немного сложновато, есть где напортачить, но как идея неплохо. Надо обмозговать получше, посоветоваться по деталям с дядей Мишей, он такие вещи хорошо умеет.

Перед выходом я глянул в зеркало и остался, откровенно говоря, совершенно доволен. Долгие годы, как ни оденешься, у меня был вид уральского грузчика, в лучшем случае – принаряженного на свадьбу. Даже без грамма лишнего я выглядел грузным и огромным сельским бугаем. Однако лет после сорока вместе с сединой и морщинами что-то во мне появилось такое, штаб-офицерское, особенно в хорошо подогнанном вечернем костюме, а этот смокинг удался исключительно.

Я опаздывал и нетерпеливо постукивал лакированным штиблетом в ожидании лифта. Лифтовые холлы, как и весь дом, проектировала турчанка, замененная позже тайцем. Очень возможно, но не наверняка, у дяди Миши был тогда с ней романчик. Холл освещался модным в те годы светящимся потолком. Здесь же стояли кадки с какими-то невиданными деревьями и диван, зачем-то в виде раскрытой раковины. На нашем этаже было всего три квартиры, и едва ли кто-нибудь часто изображал жемчужину, пользуясь диваном.

Из соседней квартиры вышел Гоша. Он держал под мышкой ракетку и был в спортивном: футболка, шорты, кроссовки. Меня неприятно укололо напоминание, что последние полгода я добирался до зала раз в неделю, на выходных, а если совсем честно, то и не на каждом. И это при прекрасно оборудованном спортзале с бассейном и кортом на первом этаже. Мы обменялись несколькими бессмысленными фразами, уже распахнулись створки лифта, когда я наконец сообразил.

– В агентство разве не идешь?

– Так бабахнули. Черт-те что. Вроде даже кортеж Сандерса расстреляли. Что творят. Мы уже собрались, когда Ирка по ящику услышала. В общем, праздника не будет. Так что переодевайся и давай, подтягивайся.

– Около двадцати минут назад, – тревожно говорил диктор, – возле Агентства по кооперации и модернизации прозвучал мощный взрыв. Как сообщают источники в правоохранительных органах, сработало взрывное устройство, заложенное в припаркованном автомобиле. После взрыва террористы обстреляли автомобиль заместителя государственного секретаря США Джереми Сандерса. Огонь велся из строящегося неподалеку здания. В настоящее время проводится спецоперация, террористы заблокированы. О количестве жертв и пострадавших пока не сообщается.

Мишин телефон был выключен. Сомнений оставалось мало, но я все же позвонил – с зеленого, конечно, телефона – главе наших безопасников, попросил определить последнюю Мишину локацию. Костю я отпустил, сославшись на длительные, допоздна, планы.

На полпути задребезжал зеленый телефон.

– Николай Андреевич, к сожалению, ничем не могу порадовать. Последняя локация в районе агентства. Связь отрубили. Бардак полный. Больше пока ничего не могу узнать.

На площади перед агентством десяток дронов выстроились аккуратной цепочкой через равные промежутки. Они почти непрерывно стреляли по невидимым окнам. На моих глазах два из них уступили место новым и неторопливо покатали к пандусу на подземную парковку. Видимо, пошли на перезарядку. Хорошо хоть остекление не успели начать, мелькнула у меня дикая мысль.

Машина встала в шеренгу таких же «мерседесов» съехавшегося уже начальства. Несколько мужчин орала в коммуникаторы, остальные, не зная, чем себя занять, шептались, сбившись в группки. Особенно сильно надрывался вице-мэр по благоустройству и дорожному хозяйству. По его части тут совершенно точно ничего не происходило, но такое уж у него было чрезмерное чувство сцены, подогреваемое бойким темпераментом и кокаиновой зависимостью.

Я вышел из машины, сам не зная зачем, и тут же едва не упал. Вокруг было разбросано множество каких-то грязных и чертовски скользких комков. Вице-мэр и еще несколько знакомых скупно кивнули, приветствуя.

К Верховному суду, выходящему на площадь, жались две группки людей, человек по десять каждая. Поближе к площади контрики, поближе ко мне полицейские. По крайней мере суд хоть кого-то защищал, для стрелков из министерства они, прикрытые зданием, находились в мертвой зоне.

– Извините, – полицейский в бронежилете и с автоматом подошел ко мне. – Здесь не безопасно. Покиньте, пожалуйста, зону спецоперации.

Номер машины у меня был достаточно хорош для полицейской вежливости, но все же не настолько, чтобы остаться здесь без дополнительных объяснений.

– Конечно.

Я объехал квартал. Проулок упирался в синий забор, ограждавший стройку. С этой стороны располагался отдельно стоящий паркинг, связанный с основным зданием тремя подвесными галереями – странное, но эффектное решение, предложенное нашим тайцем. Я закричал, но перевалил через забор, зацепившись карманом смокинга. При всем желании я не смог бы нарядиться менее подходящим способом. Хорошо еще Палыч опять проушанил приказ дяди Миши и не обтянул забор с этой стороны колючкой.

На поднятый мной шум из-за строительного вагончика выбежали двое полицейских в полной сбруе, бронежилеты, автоматы, шлемы, разгрузки, плотно набитые утварью. Если б не испуганные глаза, прям киношные рейнджеры.

– Не двигаться! Что вы здесь делаете?

В смокинге и бабочке я, видимо, мало походил на опасного террориста, и паренек представления не имел, как со мной обойтись.

– Кто руководит оцеплением? – оставалось надеяться, что грозный, очень главный начальник мне удался.

– Старший комиссар Ушаков! – он был, очевидно, доволен переходом в область ясных понятий. Даже как-то приосанился.

– Немедленно ко мне!

Полицейский послушно потыкал в компьютер, висевший на предплечье, и негромко зарокотал в микрофон, вмонтированный в шлем. С Сергеем Петровичем сказочно повезло. Он появился буквально через две минуты, недовольный и пыхтящий, кривящийся, что-то выговаривая в большой коммуникатор защитной раскраски. На нем была какая-то допотопная каска и с трудом застегнутый бронежилет. Увидев меня, он скривился еще больше, дескать, только этого не доставало. Подошел почти вплотную и чуть слышно спросил:

– И какого хера ты, Коля, тут делаешь?

– Все-таки наш объект. Вы, ребята, совершенно напрасно здесь выставили оцепление. Из основного здания сюда можно перебраться только через подвесные галереи. Они пока без остекления и элементарно просматриваются из любой точки.

Ушаков молчал, глядя на меня в упор.

– Миша там, – шепнул я одними губами.

Он продолжал молчать, закусив верхнюю губу. Наконец покачал головой и повернулся к полицейским.

– Дуйте к Бочкину. Точка МЗ. Мигом.

Когда грохот их берцев начал затихать, Ушаков еще раз покачал головой:

– Коля, Коля... Минут через двадцать будут десант через крышу высаживать, – он развернулся и ушел.

Я забежал в паркинг, спустился на этаж ниже и нырнул в неприметную дверь. Парковка была связана с министерством еще одним, подземным переходом, куда

были спрятаны все коммуникации. Туннель тускло освещали аварийные лампы. Я успел пробежать десяток метров, когда в глаза ударил свет.

– Стоять!

Я заслони́л глаза от яркого луча. Судя по шевронам, передо мной был боец «Феникса», спецназа Контртеррористического комитета. Слепил фонарь, приделанный к каске.

– Вы кто?!

– Я? Контрольный замер сопротивлений. А вот вы здесь откуда? Где Валера? Валера! Почему посторонние на объекте?

Боец подошел ко мне ближе. Мне, кажется, удалось вызвать у него кратковременное замыкание. Он пытался собрать вместе мои слова, мою сбившуюся бабочку и мое появление со стороны, противоположной ожидаемой от противника. Пока он не пришел в себя, я сделал большие глаза и ткнул пальцем ему за спину. Спецназовец попался и резко развернулся. Я, конечно, уже не тот, что четверть века назад, но, как учат, в ударе главное не сила, а неожиданность. Других утешений не предвиделось, и я врезал. Моя физическая форма далека от идеальной, но оставался кое-какой навык и сто двадцать килограмм веса. Парня крутануло, я добавил по падающему левой. Это была ошибка, кулак попал в шлем. Адская боль прохватила до плеча, несколько секунд я баюкал разбитую руку. Боец лежал, не подавая признаков оживления.

Я снял с парня оружие: автомат и большой серый пистолет, красивую чешскую машинку нового образца. Отыскал запасные магазины. На мою удачу, боец оказался разумным человеком, поплевывающим на правила, – ненадежные распознаватели стрелка были отключены. Я прихватил фонарь со шлема, сорвал и закинул на трубу отопления коммуникатор, тело с трудом оттащил за ноги в электрощитовую. Парень был большой, плюс амуниция, а левая почти не работала. Щитовая была не заперта и завалена строительной дрянью. (Если уцелею, оторву Валере голову.) Я отыскал кусок арматуры и запер снаружи, вставив прут в ушки для навесного замка.

В здании я продвигался осторожно, проползая под лестничными окнами. Нужно было найти Мишу и как-то дать о себе знать прежде, чем его дружки-кретины

меня пристрелят. По звукам выстрелов я нашел их на четвертом этаже. Я пробирался по коридору, слава богу, здесь успели выставить коридорные стены, прикрывавшие от оконных проемов. В пустых дверных проемах я сгибался пополам. На ходу я кричал:

- Миша! Не стреляй! Это я!

Он выполз на четвереньках в коридор. Всполохи играли на лице, укрытом балаклавой, на лбу ткань порвалась и намочла от крови, струйкой сбегающей на нос.

- Дядя Коля? Что ты здесь делаешь?

- Ты его знаешь? - в темном конце коридора обнаружился лежащий паренек. Он, видимо, держал коридор и только по большой удаче не накачал меня пулями.

- Мужички, времени нет на любезности. Хотите выпутаться - двигайте за мной.

- Сейчас, - Миша засеменял на четвереньках назад.

Что-то с грохотом упало. С улицы продолжали стрелять, на пару этажей ниже взорвалось с такой силой, что качнуло здание. Миша, пыхтя, вернулся. Он тащил еще одного. Я нагнулся проверить пульс. Шея была залита холодным и липким, пульс бился робко и неритмично.

- Не жилец. С ним не выберемся.

- Без него не пойду.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«И» – одно из ключевых понятий в конфуцианской традиции. Означает долг, чувство долга, справедливость, правильность.

Купить: https://tellnovel.com/prost_aleksandr/smert-cveta-beysik

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)